

"ТО, ЧТО ВЫ ОДНО, ТО И МОРАЛЬНО",

Эстония - Таллинн - 1991 - 31 дек. - с.5

- эту формулу признает сегодня справедливой и одновременно никак не может с ней смириться наш собеседник Сергей КАЛЕДИН - один из самых популярных русских писателей.

- Года полтора тому назад я прочел эту фразу о выгоде и морали у Николая Шмелева. Я был потрясен. Я позвонил ему ночью в надежде, что интервьюер переврал его слова, в надежде, что мой друг, блистательный писатель, ученый просто не мог ничего подобного сказать. Ведь иначе надо просто закрывать нашу "лавочку", прекращать писательство, вешаться, сходиться с ума. Он ответил: прекрасно тебя понимаю, сам бы стал звонить ночью, если бы прочел эту фразу у кого-нибудь другого, но... но сегодня не выжить без этой установки, не нам, литераторам, а всей стране...

- А что же делать литераторам?

- Не знаю. Это проблема неразрешимая, как автомобильные пробки в Нью-Йорке. Я не могу оспаривать экономические законы, но не могу и ждать, блудливо прикрыв глаза, пока Джек Потрошитель отмоет свои деньги, пустит их на экологию и благотворительность и превратится в уважаемого мистера Смита.

- Однако вы все-таки пишете...

- Пишу. И по-старому. Все "задавай задай, канцелярская крыса". Все, как встретились Коля с Машей, кто кого поцеловал и что из этого вышло. Старая, патриархальная литература, которая еще, как ни странно, нужна нашему читателю и, если быть честным, вовсе не имеет успеха на Западе. Там желательны, чтобы действовали лесбиянки, наркоманы, всякие пидарасы...

- Так и писать - "пидарасы"?

- А этому слову меня Хрущев научил. У него как-то Эрнст Неизвестный спросил: за что же вы все-таки, Никита Сергеевич, так нас травите? А тот ответил: понимаешь, мне сказали, что вы все пидарасы... Оттуда и пошло словечко.

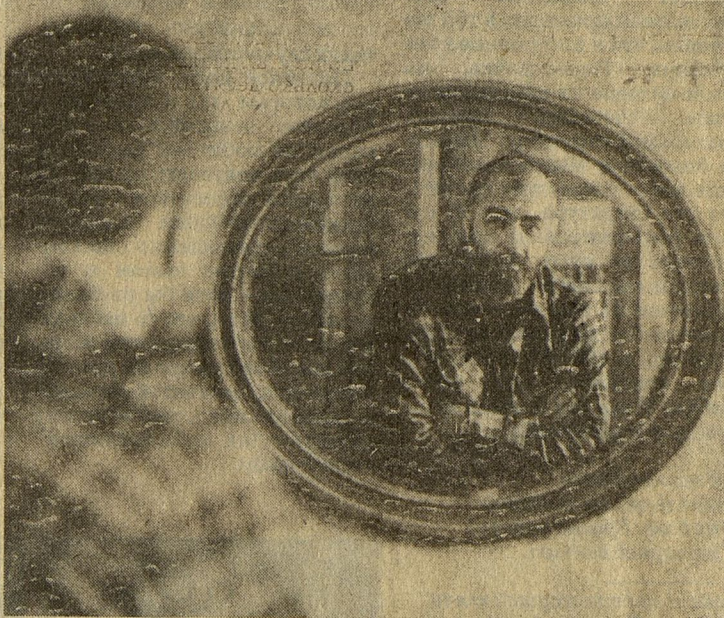
- Хорошо, я поняла вас. Но для кого же писали все те великие американцы, на которых мы воспитывались? Хемингуэй, Фолкнер, Сэлинджер? Они писали для нас?

- Для нас. Для американских литературоведов. Нескольких рефлексирующих интеллигентов. Отчасти для Европы.

- Так ведь и там капиталистическая мораль...

- Ну, Европа все-таки старая, больная, с подагрой. А в Америке попробуй скажи девностолетней старухе, у которой обнаружили рак, что ей пора о душе подумать! Что вы, она сначала на Гавайи съездит. У них главный лозунг: скажи смерти - нет!

- А там, где нет смерти, нет

настоящей литературы?

- Получается, что так. Получается, что плохая жизнь помогает литературе. До какого-то предела. Пока хлеб есть. А уж не будет хлеба, то и никакой жизни не будет, включая литературную. Так что сейчас нужно все-таки смириться и подумать о хлебе.

- Вы как-то раз мне доказывали, что у нас никогда не научатся думать о хлебе, жить нормальной, здоровой, полноценной жизнью. Что все неизбежно будет затягиваться в некое болото безделья, разгильдяйства. Помните, как вы пытались построить на даче сарай?

- Помню. Я привел на дачу мужиков. Говорю: мужики, вы знаете меня, я не обману вас. Вы живете в километре от моей дачи. Живете плохо и бедно. Я прошу вас построить мне нехитрый сарай. Из города я привез прекрасный материал, денег заплачу столько, сколько вы захотите, проверить вас не буду, ключи оставляю, харчей навалом, со сроками не тороплю. Лучших условий, по-моему, и Господь Бог не предложит. Мужики мне отвечают: не-а. Я говорю: почему не-а? Они: да на фиг нужно? Я говорю: ну, вот пойдешь сейчас у жены пятерку на опохмелку выпрашивать, а я тебе дам тысячу, две, работу ты знаешь... Опять: не-а. Ладно, нашел я другую команду. Договорился. За два дня сделали они почти все, а потом - финиш, атаааа. Я к ним: мужики, так почти уже все готово, деньги большие впереди, продолжайте. Они: да ну, на фиг, не будем. Так ведь ни копейки не дам, а уже столько сил вложено. "Не-а, не будем". И ушли.

Конечно, тяжело в такой ситуации построить передовой капитализм...

Это вам деревенский вариант, а есть и городской. У моего соседа в центре Моск-

вы огромная мастерская по ремонту бытовой техники, аппаратуры, игровых автоматов. Специалист он прекрасный, мог бы деньги загребать как снегоочистительная машина. Не хочет. С утра к нему приходит Петя с автобазы, еще дружок из хлебопекарни, выпивают они бутылку, заедают черняшкой, и им хорошо. Сыны его восстали: отец, говорят, мы не пьем, мы хотим работать, мы вам с мамой хотим помогать. Он: я тогда из дома уйду, мне такие сыны не нужны, вы жадные! Занимает он по десять-пятнадцать рублей, жене купить новые колготки - страшная проблема, но работать не будет и детям не велит. А ночью приходит несчастная его жена к сыновьям и шепчет: не обижайте папу, мальчики, он хороший...

- Сережа, так ведь и вы в глубине души думаете, что хороший папа, а не его непьющие, работающие сыновья. Они никогда не станут вашими героями или друзьями. Вы все про папу будете думать, за ним следить, его жалеть.

- В том-то и дело, хотя умом понимаю, что нужно открыть дорогу сыновьям...

- Так значит, ничего не изменилось в России со времен "Вишневого сада"? Так же ходит по сцене Лолахин и вот-вот по-своему переделает жизнь, а писатель грустит по уходящим, обреченным людям.

- С той только разницей, что сегодняшний зритель не пойдет на "Вишневый сад"...

- Ну, совсем за грустную тему взялись, а мы, между тем, говорим в новогодний номер газеты.

- А к Новому году я могу пожелать нам всем только одного. Чтобы не повторилось 19 августа уходящего года. Потому что хлеб у нас пока все-таки есть, молоко подвезут французы и американцы, а вот если побе-

дят путчисты, то всем будет худо. Победят не надолго, но нас уничтожить успеют. То есть нас с вами не в самую первую очередь, сначала политиков, но потом быстренько и нас. Нас даже стрелять не обязательно, достаточно на недельку посадить к уголовникам. Очень просто. Но я надеюсь, что ничего подобного не случится. И мы в свое удовольствие будем сетовать на то, что литература никому не нужна, что писательский зуд есть признак неполноценности, какой-то опоясывающий лишай, забота о котором, впрочем, составляет всю жизнь...

- Сережа, вы получаете письма от читателей?

- И очень много. Но только хвалебные. Мол, спасибо вам за правду, мой сын тоже служил в стройбате, так все и есть. А вот никто не напишет, что я оклеветал Россию, гоню чернуху, вру, что люди могут наживаться на смерти, на чужом горе, что мое "Смирное кладбище" - поклеп, что "Стройбат" - клевета. Хорошие письма, но одинаковые. И еще - не обращаются за советом в трагических ситуациях, как в общем-то принято было на Руси...

- Что вам дали многочисленные поездки на Запад?

- Дали возможность сравнить, увидеть, что у нас не только все хуже, но и многое лучше. Черный хлеб, селедка, покосившаяся церквушка на буторке и, главное, бессмысленные, бесконечные наши ночные разговоры, без которых мы не умеем и не научимся жить.

- Будете писать об Америке?

- Мне кажется, еще никто не написал правду о наших там. Только Сергей Довлатов затронул эту тему в "Иностранке". А так не пишут ведь об одиночестве, о тоске, о которой выть хочется. А поменять судьбу еще раз уже невозможно. Не уедешь от клубники в январе...

- То есть у нас как бы в результате все-таки лучше?

- У нас, конечно, хуже. И есть чего бояться каждый день: голод, инфляция, квартиру ограбят, дочку изнасилюют, сын с наркотой свяжется, в автобусе непременно обругают. Но я думаю, что писатель как-то замедляет процессы разложения, что-то он незаметно подправляет на этой помойке, как-то он все тадычит о добре среди разбоя. Словом, я продолжаю надеяться, я продолжаю верить в Добро и буду счастлива, если мое мнение разделит хоть несколько читателей "Эстонии"...

Вела беседу
Елена СКУЛЬСКАЯ.
Фото Н. Степаненкова.